

DOI 10.25991/AE.2019.44.28.010
УДК 82.32

Ждан А. Н.

Ждан Антонина Николаевна — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова zhdan@list.ru

ЧЕЛОВЕК КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО (К 150-летию ПИСАТЕЛЯ)

Рассматриваются психологические характеристики, которыми наделяет человека А. М. Горький в своих художественных произведениях и публицистике. Писатель смотрит на человека через многогранную призму своей выдающейся личности и собственного жизненного опыта, который формировался в различных, часто крайне неблагоприятных внешних условиях. Горький считает, что внешние условия сами по себе не являются определяющим фактором в развитии личности и мировоззрения. Человека создает не среда, а то, как она выступает для человека, как понимается им. При восприятии поступков человека Горький стремится проникнуть в мотивы, ради которых они совершаются. Велика роль книги и шире — культуры в жизни человека: они превращают каждого из просто людей в Человека как творца прогресса, свободного от скуки, от нищеты желаний, ограниченных лишь стремлением к покою и насыщению, управляемому духовными потребностями, освободившемуся от массы предрассудков с помощью страстной мысли и творчества. Не власть, не богатство, не слава должны волновать человека, но активная борьба за лучшую жизнь, творческая деятельность, неуспокоенность, неиссякаемая жажда познания тайн бытия, постоянная работа над собой и забота о других — таково назначение человека. Размышляя над мучительными вопросами о смысле жизни, о роли религии, о значении науки, писатель не оставался сторонним наблюдателем всего происходящего в стране, но был активным участником общественных событий, культурного строительства в нашей стране, борцом за приближение человека к его идеальному образу.

Ключевые слова: человек, внешние условия, мотивы поступков, культура, творческая деятельность, личность, мировоззрение.

Zhdan A. N.

HUMAN AS PSYCHOLOGICAL PROBLEM IN MAXIM GORKY'S WRITINGS
(to the 150th anniversary of the writer)

The article deals with the psychological characteristics of a person, which Gorky gives in his works of art and journalism. The writer looks at a person through a multifaceted prism of his outstanding personality and his own life experience, which was formed in various, often extremely unfavorable external conditions. Gorky believes that external conditions in themselves are not a determining factor in the development of personality and worldview. It is not the environment that creates a person, but the way it acts for a person, as it is understood by him. In the perception of human actions Gorky attempts to penetrate the motives for which they are committed. The role of the book and culture in human life is great: they turn each of the ordinary people into a Person as a Creator of progress, free from boredom, from the poverty of desires, limited only by the desire for peace and saturation, controlled by spiritual needs, freed from the mass of prejudices with the help of passionate thought and creativity. Not power, not wealth, not fame should excite a person, but an active struggle for a better life, creative activity, restlessness, inexhaustible thirst for knowledge of the mysteries of life, constant work on oneself and care for others — this is the purpose of man. Reflecting on the painful questions about the meaning of life, the role of religion, the importance of science, the writer did not remain a bystander of everything happening in the country, but was an active participant in social events, cultural construction in our country, a fighter for the approach of man to his ideal image.

Keywords: human being, external conditions, motivation, creative activity, personality, worldview

Не будет преувеличением сказать, что проблема человека была сквозной темой художественного творчества М. Горького и его публицистических статей. Он утверждал, что «...творимое на земле творится единственным Хозяином и Работником ее — Человеком» [3, с. 29]. Он рано понял и всей своей последующей жизнью доказал: человека как личность создает не внешняя среда, а сопротивление окружающей среде. Хорошо известно, что его детство, отрочество и юность проходили в крайне неблагоприятных условиях. Он видел кругом жестокость, пьянство, сквернословие, драки, часто кровавые, нередко кончавшиеся убийством, и все это было не только где-то далеко, но и в его семье. «Дом деда, — писал он в своей книге «Детство», — был

наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми» [1, с. 16]. Среди людей этот дом приобрел горькую славу: «почти каждое воскресенье к нашим воротам сбегались мальчишки, радостно оповещая улицу: у Кашириных опять дерутся!» [2, с. 286]. Дед, Василий Каширин, страшно бил бабушку, которую мальчик очень любил как едва ли не единственного в его окружении доброго человека. Бабушка рассказывала ему сказки о премудрой Василисе и другие, страшные были о Марфе Посаднице, читала стихи про Алексея, божия человека, рассказывала историю про Ивана-воина. «Сказок, былей и стихов она знала бесчисленно много» — писал Горький, вспоминая о своем детстве [там же, с. 275]. С большой теплотой бабушка говорила об отце, Максиме Сав-

вateeвиче, как о человеке красивом, веселом, добром. Цыганок, подкидыш, которого нашли у ворот дома и навсегда оставили у себя, также однажды, разговаривая с мальчиком Алексеем Пешковым, заметил: «Ты — не Каширин, ты — Пешков, другая кровь, другое племя ...» [там же, с. 271]. Как-то, задумчиво поглядывая в окно, бабушка сказала: «...были мы с отцом твоим крови не родной, а души — одной...» [там же, с. 324]. Бабушка рассказала и о том, как однажды зимой пьяные дядя матери зверски избили его, столкнули в прорубь, а когда он вынырнул, били его каблуками по пальцам, но убить его им не удалось. Отец долго болел после этого, а после выздоровления вместе с матерью уехал в Астрахань. Дед устраивал в доме ссоры, был всегда злой, бил бабушку. Она вспоминала: «Меня дедушка одна бил на первый день Пасхи от обедни до вечера. Побьет — устанет, а отдохнув — опять. И вожами, и всяко» [там же, с. 274]. Однажды дед на глазах у внука с особой жестокостью избил бабушку, колотил ее кулаками и ногами по голове, так что шпильки, которыми она скрепляла свои густые, длинные до пола волосы, глубоко вошли под кожу. Дед часто сёк детей, предварительно привязав ребенка к скамье. Смотреть на это было страшно. Входя в ярость, он не мог остановиться. Однажды за какую-то провинность дед засёк Алексея до потери сознания, было больно пошевелиться, и несколько дней после этого он хворал. Как-то к нему пришел дед. В отличие от бабушки, которая рассказывала ему сказки, он говорил с внуком о своем тяжелом жизненном опыте, о том, что пришлось ему испытать в жизни: о пленных французах, которых он видел в 1812 году, когда ему было 12 лет, о том, как ходил бурлаком по Волге-матушке и о многом другом. Мальчику было трудно связать два таких разных образа деда: злого и жестокого старичка и человека сказочной силы, который тащил по реке против течения огромную баржу и при этом пел какие-то песни. Позже Алексей Максимович обобщил впечатления о своем детстве в доме деда: «...все, что я видел в этом доме, тянулось сквозь меня, как зимний обоз по улице, и давило, уничтожало...» [там же, с. 278]. Нередко его охватывало отчаяние, чувствовалась, как он писал, усталость души. Глядя на окружающих людей, он спрашивал у них: «Почему вы делаете это?» [там же, с. 500] и при этом думал: «И мне так жить?» Что же делать? Душевные терзания довели его до того, что однажды, купив револьвер, он выстрелил себе в грудь, пробил легкое. Но после выздоровления жизнь и поиски чего-то другого, лучшего все-таки продолжались. Успокаивало созерцание природы во всей ее красоте. Летом в погожие дни нередко он жил в саду, там и спал. Полной грудью вдыхал ароматы, исходившие из садов и от земли, всем существом воспринимал цвета и звуки, блеск влажной травы по утрам, пение птиц, смотрел в небо, ночью следил за тем, как разгораются звезды и от этого небо углубляется, уходит все выше. Во все времена года и днем и ночью, но особенно летней ночью неизъ-

яснимо хороша величавая Волга. Согревали душу сказки, которые чистым русским языком, с большим чувством рассказывала в это время бабушка, они делали ночь еще краше. А утром, когда всходило солнце, вокруг пробуждалась жизнь, вызывая радость, пробуждалось желание побыстрее встать, что-то делать и жить в гармонии со всем живым вокруг, появлялась уверенность в своих силах. Но в целом в душе накапливалось какое-то недовольство жизнью, вспоминалось необъяснимо жестокое, что так обильно встречалось на жизненном пути. Поток впечатлений заставлял думать. К этому также побуждали встречи и беседы с добрыми людьми, которые были открыты чему-то лучшему. В результате сквозь пессимистические настроения, вызванные мерзостью окружающей жизни, непрекращающимися шумными, семейными ссорами и скандалами, сопровождавшимися криками и грязными словами, пробивались светлые оптимистические нотки: «Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человецье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой» [2, с. 335]. Нравилось бывать в церкви, слушать пение хора, чувствовать шум молитв, видеть фигуры икон, огни свеч. В умиротворяющей атмосфере церкви душа успокаивалась, отдыхала от накопившихся обид. Так из всего многообразия впечатлений бессознательно выделялось доброе, светлое.

Очень помогали также книги. Они попадали к нему с трудом, потому что люди, с которыми приходилось жить, книг не читали. Читал он с жадностью, в основном ночами, потому что днём был занят тяжелой работой. Подростком Горький понял, «какой великий праздник «хорошая, правильная книга» [там же, с. 406]. Они стали необходимы, потому что показывали иную жизнь, других людей, иные чувства, мысли, другие отношения между людьми. Особенно поражало, что жадные, жестокие люди, о которых пишется в книгах, не издеваются над человеком так бессмысленно, как он наблюдал на каждом шагу. Книги, с одной стороны, помогали на время забывать собственную трудную жизнь, но с другой — возбуждали еще большее отвращение к ней. Большое впечатление произвели сказки Пушкина, стихи Беранже, французские романы. Книги обогащали, становилось ясно, что русская жизнь не похожа на жизнь людей в других странах. Из книг он узнавал, что «в Праге, Лондоне и Париже нет среди города оврагов и грязных дамб из мусора, там прямые, широкие улицы, иные дома и церкви. Там нет шестимесячной зимы, которая запирает людей в домах, нет великого поста, когда можно есть только квашеную капусту, соленые грибы, толокно и картофель с противным льняным маслом. Великим постом, когда нельзя читать книг, эта пустая постная жизнь снова подошла вплоть ко мне. Теперь, когда я мог сравнить ее с тем, что знал из книг, она казалась

мне еще более нищей и безобразной. Читая, я чувствовал себя здоровее, сильнее, работал споро и ловко, у меня была цель: чем скорее кончу, тем больше останется времени для книг» [2, с. 403]. Книги раздвигали заволжские дали, за которыми, оказывается, нет пустоты, а есть высокие горы, широкие моря. Книжки рассказывали, что «...вся жизнь за границей...интереснее, легче, лучше той жизни, которую я знаю: за границей не дерутся так часто и зверски, не издеваются так мучительно над человеком... не молятся богу так яростно...» [там же, с. 405].

Было интересно понять мотивы человеческих поступков, получить ответ на вопрос, почему люди делают то, что они делают. Рисуя в своих произведениях мерзости жизни, писатель был уверен: «русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душой, что преодолевает и преодолеет их» [там же, с. 335]. Так, в рассказе «Челкаш» Горький представил образ крестьянина Гаврилы как на вид здорового добродушного человека, но с ограниченным крестьянским умом, приземленными целями, постоянно озабоченного тем, где бы добыть деньги, чтобы построить дом, выгодно жениться, стать хозяином. Мужик Гаврила не вызывает симпатий ни у автора, ни у читателя. Главный герой рассказа — босяк с одиннадцатилетним стажем, вор, пьяница, бродяга Гришка Челкаш. Но автор воспекает Челкаша, потому что он сохранил в себе черты свободного человека, бескорыстно любившего море, его бескрайнюю широту и мощь, море рождало мечты, укрощало злые порывы души. А Гаврила боялся моря. Почти все деньги, добытые после очередной кражи, Челкаш отдал Гавриле, который был его помощником в краже. Но Гаврила хотел забрать у Челкаша все деньги и попытался убить его. Автору противен звероподобный Гаврила, он называет его гнусом, жадным, низким, не помнящим себя. Такое же отношение к нему он вызывает и у читателя рассказа. Во всех случаях, когда Горький видел оступившегося человека, оказавшегося на самом дне жизни, он не спешил осудить его, но пытался понять, как такое могло с ним случиться. И, как правило, оказывалось, что все плохое в человеке в конечном счете происходит от нечеловеческих условий, в которые поставила его жизнь. В рассказе «Страсти-мордасти» с горечью и состраданием Горький изобразил такую ситуацию. Летняя ночь. На окраине города в середине обширной глубокой лужи топчется пьяная женщина. Все знали эту пьяницу. Находившийся рядом сторож в ответ на предложение проходившего мимо Алексея Максимовича вытащить ее со спокойным безразличием сказал: «Убить ее надо». Но Горький попытался вытащить ее. Несмотря на сопротивление женщины, он все-таки вытащил ее и попытался дотащить домой. С трудом поняв из ее бормотания, где она живет, поволок ее к подвалу дома, который она назвала. Там он увидел ужасающую картину. В доме было грязно, не убрано. В каком-то ящике с тряпьем сидел ее сын, инвалид с детства. Мальчику было одиннадцать лет. На следующее утро Горький пришел опять, дал ма-

тери денег, чтобы она купила чая, сахара, пряников, что она сделала. На безобразном безносом лице матери он разглядел детски чистые глаза. Выражая благодарность своему спасителю, «она говорила неотразимо по-человечьи так ласково, с таким хорошим чувством. И глаза ее — детские глаза на безобразном лице — улыбались улыбкой не нищей, а человека богатого, которому есть чем благодарить» [2, с. 105]. Горький сумел увидеть сохранившееся материнское чувство в женщине, которую уже никто не считал за человека. Все увиденное наполнило его душу страданием, потому что помочь он был не в силах. Он не осуждал, а жалел оступившихся. Ему было мучительно стыдно и жалко пьяную проститутку прачку Наталью, дочь которой уехала учиться в Казань и в трудную минуту рядом не оказалось никого, кто мог бы помочь.

Горький не ограничивается только описанием событий. Все его тексты пронизывает тонкий психологизм. Писательское око проникало в самые затаенные уголки личности, высвечивало все ее тайны, скрытые, может быть, от самого человека. Поскольку плохого встречалось на его пути гораздо больше, чем хорошего, он сделал вывод, позже озвученный в разговоре Павла Власова с матерью: «Люди плохи... стал подрастать — начал ненавидеть, которых за подлость, которых — ...так просто!» [2, с. 115]. Он чувствовал кукуую-то правду в словах деда о том, что все люди — враги. «Человек человеку — лютый враг!» — говорил дед. Нужно было ответить на вопрос: насколько неизбежны вражда и ссоры между людьми, грязь и жестокость? Почему так скучно, неинтересно живут люди? Почему вокруг так много зла? На своем опыте Горький понял, что причиной всего этого была тяжелая жизнь, а там, где люди жили сытно, в достатке, такой причиной была скука, «едкая, раздражающая скука» [там же, с. 369], полное отсутствие духовных запросов. Описывая жуткую жестокость деда, его скупость, старался понять, почему он такой. Он пытался понять, как случилось, что после пятидесяти лет совместной жизни с бабушкой дед разделил между ними все нажитое совместным трудом имущество, вплоть до мелочей. Скупость деда приобрела самые уродливые формы. «Все в доме строго делилось: один день готовила бабушка из провизии, купленной на ее деньги, на другой день провизию и хлеб покупал дед, и всегда в его дни обеда бывали хуже: бабушка брала хорошее мясо, а он — требуху, печенку, легкие, сычуг. Чай и сахар хранился у каждого отдельно, но заваривали чай в одном чайнике, и дед тревожно говорил: «Постой, погоди, ты сколько положила? Высыплет чайинки на ладонь себе и, аккуратно пересчитав их, скажет: «У тебя чай-от мельче моего, значит, я должен положить меньше, мой крупнее, наваристее.» [там же, с. 335]. Бабушка относилась к этому с юмором: «Стар-старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков — отшагай-ка столько-то! Пускай дурит, кому горе? А я себе заработаю кусок, небойсь», — успокаивала она внука [там же, с. 335]]. В грубой форме выступало в окружающей жизни

отношение полов. Грязно говорили об отношениях мужчин к женщинам, да и кругом преобладала животная чувственность, грязная хвастливость «победителей», все это обсуждалось в семье бабушкиной сестры, в которой жил Алексей Максимович подростком. Существовали публичные дома. Горький жалел обитающих в этих домах девиц. Из книг он построил мир красивых страстей, благородства чувств. С неподдельной искренностью он выразил свое высокое отношение к женщине: «...начитавшись романов, я смотрел на женщину как на самое лучшее и значительное в жизни. В этом утверждали меня бабушка, ее рассказы о богородице и Василисе Премудрой, те сотни, тысячи замеченных мною взглядов, улыбок, которыми женщины, матери жизни, украшают ее, эту жизнь, бедную радостями, бедную любовью. Славу женщине пели книги Тургенева...» [2, с. 479]. И обобщал: «Книги сделали меня неуязвимым для многого: зная, как любят и страдают, нельзя идти в публичный дом; копейный развратикшко вызывал отвращение к нему и жалость к людям, которым он был сладок» [там же, с. 422].

Горький вырос и долго жил среди всяческой житейской скверны, претерпел множество обид, незаслуженных упреков, побоев. Рано кончилось детство, а после смерти матери дед отдал его в люди. Началась трудная самостоятельная жизнь. Жил он у родственников, но обращались с ним жестоко, заставляли делать любую работу по дому, плохо кормили. Естественно, что у него возникла мечта об иных, лучших людях, свободных от суеверий, индивидуалистических собственных стремлений. Он мечтал об устройении человеческого бытия в коллективистическом духе, в духе единения всех людей по пути к великой цели — к освобождению человека от рабства внешнего и внутреннего. Важное место в жизненном опыте Горького занимали вопросы религии. Глубоко верующим человеком была любимая бабушка. Она подолгу молилась. В своих молитвах каждый раз она находила новые слова, в которых искренне благодарила бога. Бог бабушки был добр. Она считала бога источником всех благоденствий на земле и в своей жизни, в своих молитвах рассказывала ему обо всем, что случилось в доме, просила его обо всех православных. Долго рассказывала внуку о боге. С каким-то благоговением протирали пыль с икон, с умилением любовались ликами святых. Дед читал с внуком церковные книги, научил его церковно-славянской грамоте, после чего тот легко одолел гражданскую печать, водил его в церковь. Алексею Максимовичу нравилось бывать в церквях, нравился в огнях свеч иконостас, пение хора. В церкви всё живет какой-то странной волшебной жизнью сказки. Он знал все молитвы. Задумываясь о своей горькой доле, и сам сочинял свои молитвы. Уже в зрелом возрасте, в 1907 г., Горький написал повесть «Исповедь». В ней он изобразил пути исканий лучшей жизни выходца из крестьян, послушника Матвея, в мировоззрении которого центральное место занимала религия. Однако собственные наблюдения, весь жизненный опыт

Матвея привели его к выводу, что окружающие люди, считавшие себя верующими, в своих делах были далеко не благочестивыми, отступали от православной веры, были лживы, воровали, нарушали устои семейной жизни. Ушел он в монастырь, думал там найти истинно верующих людей. Но разочаровался и здесь. Этот материал, однако, не приводит Горького к отказу от идеи бога. Не отбрасывая идею бога, не порывая с ней, он ставит задачу создания новой религии. В. И. Ленин включил его имя в число других писателей, среди которых назвал А. А. Богданова, А. В. Луначарского и др., также проповедующих необходимость создания новой религии. Ленин раскритиковал эти попытки богостроительства, при этом объяснив их возникновение объективными общественными условиями, сложившимися в России после поражения революции 1905 года.

От перегрузки неприятными впечатлениями Горький в определенный момент «ощутил усталость души, едкую плесень на сердце... стал чувствовать себя хуже, начал смотреть на себя самого как-то со стороны, холодно, чужими и враждебными глазами» [2, с. 514]. Он не нравился себе. Иногда думал: «...нет на земле человека глупее и бездарнее меня» [там же, с. 512]. Стал преследовать вопрос: «Что мне делать?» [там же, с. 515]. Дойдя до отчаяния, он решил убить себя. К счастью, попытка оказалась неудачной. Анализируя этот случай, он с безжалостной искренностью писал: «После попытки самоубийства мое отношение к себе сильно понизилось, я чувствовал себя ничтожным, виноватым перед кем-то, и мне было стыдно жить» [там же, с. 519]. На душе было скверно. Помощь пришла от человека, с которым его свела сама судьба на большой дороге жизни. Это был революционер-народник М. А. Ромась. За свои убеждения он два года сидел в тюрьме, после чего был сослан на десять лет в Якутию. Ромась был убежден в необходимости изменения общественных условий, а в настоящее время имел лавку в поволжском селе и вел среди крестьян пропаганду о необходимости революционного переустройства жизни. Общение с Ромасем Горький назвал одним из своих университетов.

Великий знаток человеческой души, Максим Горький создал художественными средствами образ человека, центральное место в котором отводил его психологическим качествам во всем их многообразии — от инстинктов до творческого духа, в их становлении и развитии от рождения до смерти.

Литература

1. Горький А. М. Собр. соч. в двух кн. Кн. 1. Т. 1. «Детство». Полиграфресурсы, 2000.
2. Горький М. Избр. соч. М.: Огиз. Гос. изд-во худ. лит. М., 1946.
3. Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М.: МО Союза журналистов СССР. Ассоциация «Ротация» при участии МСП «Интерконтакт», 1990.